

Бездействие как форма преступного деяния

Р. Н. Ключко

Бездействие является одной из форм деяния, выступающего в качестве обязательного структурного элемента преступления и основного признака объективной стороны состава преступления. Без внешне объективированного поступка человека в реальной действительности нет и преступления. Указанное положение нашло законодательное закрепление в статье 11 УК Республики Беларусь, определяющей понятие преступления. Таким образом, действие либо бездействие образует элемент социального и юридического основания уголовной ответственности. Н.А.Бабий называет общественно опасное деяние фактическим, а состав преступления и противоправность деяния юридическим основанием уголовной ответственности, отмечая, что понятие преступления отражает социально-правовую сущность деяния, а значение состава видит в том, что он является формально-правовым основанием для привлечения виновного к уголовной ответственности [1, с. 43, 53]. А.И. Бойко совершенно справедливо утверждает, что именно в преступлении, то есть деянии в форме действия или бездействия, кроется главное, социальное основание наказания [2, с. 23]. По утверждению Э.А.Саркисовой, основанием уголовной ответственности следует считать совершение общественно опасного деяния, содержащего признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом [3, с. 100, 339]. Деяние как фактическое основание уголовной ответственности определял и А.А.Тер-Акопов, классифицируя в целом эти основания на фактические и правовые [4, с. 3-4].

В отечественной уголовно-правовой доктрине бездействие как форма деяния, выступающего в качестве признака объективной стороны состава преступления, именуется «преступным», «уголовно-правовым», «общественно-опасным». Так, Н.А.Бабий под *преступным бездействием* (курсив здесь и ниже мой – Р.К.) понимает несовершение требуемого, далее указывая, что это несовершение лицом определенного действия, которое лицо должно было и могло совершить [1, с. 67, 68]. Следовательно, автор презюмирует при определении бездействия наличие всех признаков преступления, не указывая их в определении, делая акцент лишь на пассивной форме поведения, основанной на долженствовании и возможности совершения, как указывает автор, *определенного* активного действия. И.О.Грунтов *уголовно-правовое бездействие* определяет как общественно опасное, *осознанное, волевое* поведение субъекта, выражающееся в несовершении тех действий, которые лицо обязано было и могло совершить в *данных конкретных условиях*, вследствие чего был причинен вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом [5, с. 104]. Представляется, что как уголовно-правовое следует понимать бездействие, предусмотренное (следовательно, запрещенное) нормами уголовного права, из чего можно было предположить, что автор ведет речь об условиях признания бездействия актом уголовно-противоправного деяния. Однако при этом И.О.Грунтов, в отличие от Н.А.Бабия, делает акцент на обязанности и возможности у лица совершения активных действий в *данных конкретных условиях* и, таким образом, подразумевает их как условия привлечения лица к уголовной ответственности за конкретный акт бездействия. Э.А.Саркисова, определяя *общественно опасное бездействие*, указывает, что таковым признается *осознанное и волевое* пассивное поведение лица, выражающееся в несовершении тех действий, которые оно должно было совершить в силу определенных возложенных на него обязанностей [3, с. 134]. Таким образом, автор совершенно справедливо делает акцент на основной социальной характеристике акта бездействия, порождающей постановку проблемы необходимости его уголовно-правового преследования при наличии долженствования и возможности совершения актив-

ных действий. Указывая на признак осознанности субъектом пассивной формы поведения, И.О.Грунтов и Э.А.Саркисова ограничивают возможность совершения бездействия как формы преступного деяния, влекущего наступление последствий, лишь с прямым, косвенным умыслом либо по легкомыслию в соответствии с ч. 3 ст. 23 УК РБ. В тех же случаях, когда бездействие является признаком объективной стороны преступления, не связанного с наступлением последствий, в соответствии с определением, данным авторами, с субъективной стороны оно может быть совершено лишь с прямым либо косвенным умыслом, что следует из анализа нормативных предписаний ч. 3 ст. 24 УК РБ.

Из анализа приведенных выше определений видны различные акценты, проставляемые авторами при характеристике бездействия как признака объективной стороны, что свидетельствует об отсутствии в отечественной уголовно-правовой доктрине единой концепции определения бездействия, а также условий признания его преступным. Для признания конкретного акта бездействия преступным следует определить, что оно являлось общественно опасным, виновным актом поведения человека во внешнем мире, запрещенным уголовным законом под угрозой наказания. Установление уголовно-правового запрета на тот либо иной акт бездействия путем закрепления его наиболее типичных признаков, образующих конкретный состав преступного бездействия, должно осуществляться с учетом принципов его криминализации.

Таким образом, в уголовно-правовой науке бездействие чаще всего определяется как общественно опасное виновное поведение лица, характеризующееся несовершенством им таких действий, которые оно должно было и могло совершить. Причем в уголовно-правовой науке обязанность и возможность действовать трактуются, прежде всего, как условия привлечения лица к уголовной ответственности за бездействие, а не как основания криминализации деяния, которые влияют на закрепление законодательных установлений, изначально очерчивающих круг преступных посягательств.

Конкретное бездействие является, прежде всего, актом поведения человека во внешнем мире, который, как и активное действие, должен наделяться целым рядом характеризующих для признания его преступлением признаков, являющихся в одинаковой степени необходимыми. Бездействие представляет пассивный акт поведения человека, объективированный во внешнем мире через нарушение требуемой модели активного поведения, образующий социальное (фактическое) основание уголовной ответственности, при наличии признаков его общественной опасности, виновности и уголовной противоправности, связываемой с уголовной наказуемостью. Определяющей, безусловно, является социальная характеристика бездействия (как и действия) как общественно опасного деяния, выступающая в качестве его материального признака и обязательного условия для его криминализации. Причем степень общественной опасности бездействия неравнозначна степени общественной опасности преступления, совершаемого в форме равнозначного (если здесь такой термин можно применить) действия, и указанное обстоятельство следует учитывать при решении вопроса о целесообразности установления уголовно-правового запрета на бездействие. Определение общественной опасности той или иной формы проявления акта бездействия как его материального признака учитывается, прежде всего, законодателем при установлении уголовно-правового запрета, хотя и правоприменитель может сделать вывод об отсутствии признаков преступления вследствие признания конкретного деяния малозначительным. Но это единственный случай, предусмотренный уголовным законом, когда решение вопроса об общественной опасности деяния относится к полномочиям не законодателя, а правоприменителя, и решаться он должен с учетом **конкретной обстановки** содеянного.

Уголовно-правовому запрету на бездействие должна предпосылаться обязанность лица на совершение активных действий, направленных на предотвращение угрозы причинения вреда поставленным под охрану уголовного закона общественным отношениям. УК устанавливает запрет на бездействие, тогда как нормативным источником происхождения обязанности совершения активных действий уголовный закон в подобных случаях признавать нельзя. Такая обязанность, акцептированная субъектом, порождается (1) его правовым статусом, определенным нормами иных отраслей права, либо (2) предшествующим поведением субъекта.

екта, создающим источник опасности причинения вреда наиболее важным общественным отношениям. В первом случае речь идет о неисполнении обязанности на совершение определенных действий при осуществлении профессиональной (служебной) деятельности, обязанности, возложенной на лицо в установленном правовом порядке, которая может вытекать из его предшествующей деятельности и о наличии которой он предупреждается в установленном порядке либо иным образом осведомлен. Указанные обстоятельства позволяют утверждать об индивидуальном акцептировании такой обязанности. Лицо добровольно принимает такую обязанность в соответствии с выполняемыми им социальными функциями (напр., занятие должности предполагает выполнение определенных служебных обязанностей; осуществление определенной работы связано с выполнением профессиональных обязанностей; функции сиделки предполагают обязанности ухода за больным человеком). При этом субъект акцептирует обязанности, которые он способен исполнить и осознает как общественную опасность неисполнения таких обязанностей, так и возможность привлечения к ответственности за их неисполнение, что позволит избежать объективного вменения и проблем с установлением признаков субъективной стороны. «Предупреждение» субъекта об ответственности посредством возложения на него обязанностей направлено на создание стимулов к активной модели поведения при осознании угрозы ограничений в случае игнорирования совершения активных действий.

За неисполнение подобных обязанностей фактически устанавливается уголовная ответственность статьями 137 (ч. 1), 159 (ч. 2), 160, 161, 162, 165, 174, 175, 176, 204, 220, 225, 230, 232, 237, 242, 243, 244, 267, 268, 300, 307, 308, 402, 411, 414-419, 421-423, 425, 428, 434-439, 445-447 УК РФ. Уголовно-правовой запрет на нарушение специальных правил, который возможен как в форме активных действий, так и бездействия, закрепляется в статьях 271, 273, 278-280, 283, 284, 298, 299, 301-306, 314-317, 319-321, 325, 326, 330, 334, 336, 371-2, 372, 450-454, 463 – 465 УК РФ. Лишь в двух статьях – статьях 137 и 425 – законодатель использует термин «бездействие». В других случаях используются термины «неоказание», «неисполнение», «уклонение», «несообщение», «непринятие мер», «сокрытие» (предполагающее несообщение), «неповиновение», «несоблюдение», «неприбытие», «неявка» и др. При этом о наличии у данного конкретного лица, выступающего в качестве субъекта бездействия, обязанности действовать свидетельствует непосредственное указание в уголовном законе на служебные или профессиональные обязанности, обязанности, возложенные на него в установленном порядке решениями либо приговорами суда (судьи), решениями органов власти или управления. В форме бездействия могут совершаться и иные преступления, связанные с неисполнением обязанностей, вытекающих из самой природы естественного физиологического существования человека, которые чаще всего образуются вовне активными действиями (например, убийство матерью новорожденного ребенка посредством отказа от его кормления). Неисполнение таких обязанностей характеризуется первоначальным поставлением охраняемого объекта в опасность и безусловным осознанием как определенного рода обязанностей, так и общественной опасности их неисполнения, что создает основания для реализации принципа субъективного вменения наряду с объективным вменением. К бездействию, сопряженному с предшествующим поставлением в опасность, относится заведомое оставление в опасности, совершенное лицом, которое само виновно поставило потерпевшего в опасное для жизни или здоровья состояние (ч. 3, ст. 159).

Итак, на основании анализа имеющихся в уголовно-правовой науке определений бездействия можно сделать вывод о том, что пассивный акт поведения становится уголовно-противоправным лишь при нарушении его субъектом должной модели поведения. Уголовная противоправность бездействия, кроме случаев предваряющего бездействие поставления в опасность, базируется на его противоправности, основанной на нарушении норм иной («неуголовной») отраслевой принадлежности, определяющих должную модель активного поведения. Присутствующее во всех определениях конкретно объективированного вовне акта бездействия указание на должную модель поведения, требует рассмотрения проблемы признания концепции специального субъекта бездействия, закрепление которой должно найти отражение непосредственно в уголовном законе.

Abstract. Various aspects in characterizing negligence as a feature of an objective side are considered in the paper. It concludes that there is no common concept of defining negligence in our Criminal Law doctrine, and that there are no conditions of admitting it criminal. The paper also considers the problems of introducing the conception of special subject of negligence into the Criminal Law.

Литература

1. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учеб. пособие / Н.А.Бабий. – Мн.: ГИУСТ БГУ, 2006. – 335 с.
2. Бойко, А.И. Преступное бездействие / А.И.Бойко. – СПб: Юридический Центр Пресс, 2003.- 320 с.
3. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие/ Э.А.Саркисова. – Мн.: Тесей, 2005.- 592 с.
4. Грунтов, И.О. Объективная сторона преступления: гл. 6 / И.О. Грунтов // Уголовное право. Общая часть: Учебник / Н.А. Бабий, А.В.Барков, И.О.Грунтов [и др.]; Под ред. В.М.Хомича. – Мн.: Тесей, 2002. – 496 с.
5. Тер-Акопов, А.А. Бездействие как форма преступного поведения / А.А.Тер-Акопов. – М.:Юрид.лит., 1980. – 152 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 9.03.09